

На правах рукописи

Уафа Лолита Эдуардовна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ
СПОСОБЫ**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2023

Работа выполнена на кафедре общего и славяно-русского языкознания
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

**Научный
руководитель:**

Лучинская Елена Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой общего и славяно-русского
языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

**Официальные
оппоненты:**

Ширяева Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой английского языка и профессиональной
коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»

Сегал Наталья Александровна,
доктор филологических наук, доцент, доцент
кафедры русского, славянского и общего языкознания
Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет им. В.И. Вернадского»

**Ведущая
организация:**

**ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет»**

Защита диссертации состоится « » _____ 2023 г. в 9:30 часов
на заседании диссертационного совета **24.2.320.10** на базе ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет» и на официальном сайте:
<http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1663>.

Автореферат разослан « » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. филол. наук

Б.Г. Вульфович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе. В современной лингвистике уделяется особое место лингвистической теории эмоций, поскольку доказано, что эмоции могут структурировать язык, а язык, в свою очередь, является специфическим инструментом концептуализации и регуляции эмоций. Более того, многочисленные междисциплинарные исследования показали, что язык, эмоции и политика обнаруживают тесную взаимосвязь. Субъекты политической деятельности целенаправленно воспроизводят стратегии коммуникативного поведения, которые направлены на получение живого отклика и реакции различных социальных групп, общностей и иных объектов политической жизни. Именно обращение к эмоциям в речи политиков оказывает решающее влияние на мнение граждан, побуждает их к принятию тех или иных политических решений. Эмотивная коммуникация оказывает речевое воздействие на адресатов, формируя определенное отношение к тем или иным явлениям общественной жизни. **Актуальность** исследования обусловлена возрастающим на современном этапе развития языкознания интересом к проблеме концептуализации внутреннего мира субъектов политического дискурса.

Степень изученности проблемы. Существенный вклад в изучение эмоций в языке внесла Волгоградская научная школа лингвистики эмоций (1966 г.) под руководством В.И. Шаховского. Его научная деятельность положила начало многим содержательным и результативным трудам о формах вербализации эмоций, функционировании языка эмоций, лингвокультурологии эмоций, об эмотивном коде языка и эмотивной лингвоэкологии (В.И. Шаховский, 1975, 2008, 2019). В ходе развития лингвистики эмоций ученым удалось обнаружить многообразные проявления эмоций, установить, что эмоции не проявляются в чистом виде, следовательно, их языковая идентификация является субъективной. По этой причине современный подход к изучению эмоций базируется на выявлении вариативных средств их вербализации, а также типов эмотивных комплексов, которые образуются на основе синкретизма разных средств и способов вербальной и невербальной репрезентации эмоций (С.В. ИONOVA, 2019; М.Р. Желтухина, 2004; Т.Н. Синеокова, 2004 и др.). Идея взаимосвязи рационального и эмоционального в человеке, его языке и речи дала возможность анализировать внутренний мир индивидуума, раскрывать особенности речевой образности, субъективного мира человека и др.

(В.И. Болотов, 1986; Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, 2016; М.Р. Желтухина, 2004; А.Б. Зотова, 2010; С.В. Иванова, 2009; А.С. Илинская, 2007, Г.Ф. Коваленко, 2016, Е.Н. Лучинская, 2021 и др.).

В рамках лингвистики эмоций ученые начали выделять эмоциональные составляющие разных видов дискурса. В политическом дискурсе эмоции приобретают комплексный характер, направленный на решение прагматических задач, соответственно, выявляются эмотивные прагматические установки и средства их реализации, рассматривается воздействие (вербальное и невербальное) на политическое сознание адресата с учетом взаимосвязи эмоции и когниции, языка и культуры, и др. (Е.И. Шейгал, 2004; А.П. Чудинов, 2009, 2012; М.Р. Желтухина, 2004; Е.Н. Лучинская, 2019, 2022; Н.А. Сегал, 2019; Д.В. Шапочкин, 2005 и др.).

Научное сообщество проявляет большой интерес к вышеперечисленным проблемам и активно их изучает. Однако немногие ученые совмещают исследование таких направлений, как политический дискурс и лингвистическое проявление эмоций. Кроме того, проблема именно сопоставительного исследования, посвященного рассмотрению эмотивности политических дискурсов разных лингвокультур, недостаточно хорошо изучена в отечественной и зарубежной лингвистике. Мы считаем, что изучение вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе позволит конкретизировать, а также дополнить имеющиеся на сегодняшний день выводы ученых в области лингвокультурологии и лингвопрагматики речевого общения.

Объектом исследования является эмотивность как средство выражения эмоциональности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Предметом исследования являются способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и описании доминирующих способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе с опорой на анализ эмотивных прагматических установок.

Заявленная цель предопределила постановку и решение следующих **задач**:

1) рассмотреть базовые положения лингвистической теории эмоций и провести дифференциацию понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности;

2) рассмотреть существующие классификации эмотивов различных уровней и проанализировать на их основе материал исследования;

3) определить доминирующие вербальные и невербальные способы репрезентации эмотивности в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей;

4) определить и сравнить специфику репрезентации эмотивности с помощью образных средств и идеологем в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей;

5) выявить идиостилевые особенности англо- и русскоговорящих политических деятелей в рамках эмотивных прагматических установок.

Цель и задачи данной работы, специфика исследуемого материала определили использование ряда общенаучных **методов**, среди которых можно выделить описательный и сопоставительный методы, метод лингвистического наблюдения и контекстуального анализа, а также метод количественного анализа. Для отбора данных использовался прием сплошной выборки.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные концепции отечественных и зарубежных ученых, разработанные в рамках: *лингвистической теории эмоций* (В.И. Шаховский, Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, С.В. Ионова, А.Б. Зотова, С.В. Коростова, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Бабенко, В.Н. Гридин, В.И. Болотов и др.), *политической коммуникации и политического дискурса* (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, М.Р. Желтухина, Е.Н. Лучинская, Н.А. Сегал, Д.В. Шапочкин, В.И. Карасик, Е.В. Пильгун, Т.А. ван Дейк, Р. Chilton, G.E. Marcus, Т. Brader и др.), *невербальной семиотики* (Г.Е. Крейдлин, Н.Б. Мечковская, А.С. Илинская, В.А. Лабунская, М.Л. Бутовская, S. Goldin-Meadow, D. Brentari и др.), *категории образности и экспрессии* (О.А. Крылова, Г.Ф. Коваленко, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, Т.Н. Синеокова, Э.М. Береговская, А.С. Илинская и др.).

Материалом для исследования послужили выступления англо- и русскоговорящих политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН с 2018 по 2022 гг., размещенные на официальном сайте ООН. Было проанализировано около 30 видеозаписей выступлений, общей продолжительностью 10 часов, стенограммы которых в общей сумме насчитывают 75210 лексических единиц. Корпус анализируемых примеров составляет 1500 единиц, полученных методом сплошной выборки.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: в англо- и русскоязычных политических выступлениях на Генассамблее ООН апелляция к эмоциям способствует реализации эмотивной прагматической установки политика, которая заключается в следующем: «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать». Эмотивные вербальные и невербальные средства, посредством которых эта установка

эксплицируется/имплицитруется, разнообразны и неодинаковы в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

1) изучена и описана репрезентация эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе с учетом эмотивной прагматической установки «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать» на новом языковом материале выступлений политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН за последние 5 лет;

2) проведен сопоставительный анализ вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН, в результате которого между ними выявлены доминирующие способы репрезентации эмотивности;

3) доказано, что политическое публичное выступление на сессиях Генассамблеи ООН – это особый речевой феномен, который в зависимости от множества факторов характеризуется высокой или низкой степенью эмотивности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что подробное описание и сопоставление способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе позволяет расширить представление о роли, функциях и прагматике эмоций. В диссертации проработаны и систематизированы базовые понятия лингвистической теории эмоций, выявлены закономерности проявления эмоций в политическом выступлении, обоснована эмотивная прагматическая установка политического выступления, направленная на эмоциональное воздействие. Материалы и результаты исследования вносят вклад в развитие теории дискурса, политической лингвистики, прагмалингвистики, сравнительно-сопоставительной лингвистики. Выводы и положения данной работы также могут составить теоретико-методологическую базу дальнейших исследований, анализирующих эмотивность в различных жанрах политического дискурса.

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что представленные в ней материалы и результаты могут быть использованы для разработки лекций и семинаров по теории языка, теории дискурса, риторике, стилистике, лексикологии, лингвокультурологии, а также для развития навыков устного и письменного перевода на занятиях по общественно-политическому переводу.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эмотивность – это средство выражения эмоциональности, результат интерпретации эмоционального состояния с помощью языковых и неязыковых единиц. Эмотивность является неотъемлемым свойством англо- и русскоязычного современного политического дискурса, но способы и частотность их репрезентации различаются от высокой до низкой в английском и русском дискурсах.

2. Доминирующими способами репрезентации эмотивности в русскоязычном политическом дискурсе являются вербальные средства лексического уровня. Лексический арсенал эмоций русскоязычного политического дискурса состоит из *эмотивов-аффективов* (42.4%), *эмотивов-коннотативов* (30.3%) и *эмотивов-потенциативов* (27,3%). В англоязычном политическом дискурсе в репрезентации эмотивности преобладают вербальные средства синтаксического уровня. Эмотивность в англоязычном политическом дискурсе реализуется в 90% посредством приемов *синтаксического повтора, парцелляции, инверсии и асиндетона*, в 50% – *лексического повтора, парентезы*, в 25% – *морфемного повтора, эллиптических конструкций*.

3. Эмотивная прагматическая установка в англо- и русскоязычном политическом дискурсе заключается в следующем: «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать». Идиостиль политика, выражение общепонятных ценностных смыслов, употребление в речи идеологем, создание образов являются эффективными инструментами реализации данной установки. В дискурсе англо- и русскоговорящих политиков наблюдается продвижение схожих ценностных смыслов, связанных с *сотрудничеством, развитием, безопасностью и свободой*, которые сопровождаются выражением положительных эмоций. В связи с этим как англоговорящие, так и русскоговорящие политики употребляют идеологемы, выражающие ценностно окрашенные идеи, ориентированные на будущее, коррелирующие с эмоциями адресанта, а также направленные на эмоциональное воздействие на адресата. Создание образа как инструмент эмоционального воздействия в англо- и русскоязычном политическом дискурсе реализуется различными средствами. В дискурсе русскоговорящих политиков воздействующий потенциал эмотивности главным образом реализуется при помощи *метафор*, в дискурсе англоговорящих политиков – при помощи *эпитетов, сравнений и гипербол*.

4. Невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе подразумевают выражение эмоций с помощью экстралингвистического инструментария, а именно жестов, мимики, интонационных изменений. В дискурсе русскоязычных политиков

наблюдается низкая частота употребления невербальных знаков, поскольку они способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли говорящего. В дискурсе англоязычных политиков, напротив, имеет место высокая частотность употребления невербальных знаков, поскольку говорящий стремится передать весь спектр переживаемых эмоций и создать впечатляющий эффект.

5. Степень интенсивности эмотивности зависит от лингвокультуры, условий политической коммуникации, эмоционального настроения коммуникантов. Русскоязычному политическому дискурсу свойственна эмотивная сдержанность, лаконичность и умеренность. Англоязычный политический дискурс, напротив, отличается более выраженной эмотивностью.

Достоверность результатов исследования подтверждается большим объемом изученного материала, служащего обоснованием для приведенных в диссертации выводов и положений, а также применением надежных методов исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Личный вклад автора заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования, начиная от сбора, обработки, анализа материала, постановки цели и задач исследования, а также их реализации до отражения результатов в публикациях и научных докладах.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих международных конференциях: XVIII Всероссийская с международным участием междисциплинарная научно-практическая конференция «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2020), VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2021), II Международная научно-практическая конференция «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (Астрахань, 2022), I Международная научно-практическая конференция «Филология в системе современного гуманитарного знания» (Краснодар, 2022), VII Международная научная конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2022), X Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам» (Брянск, 2022).

Основные положения исследования отражены в 12 научных публикациях, три из которых представлены в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации определяются логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего труды отечественных и зарубежных авторов. Объем работы составляет 157 с., библиографический список включает 160 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, оценивается степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, материал и методы исследования, формулируются цели и задачи работы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, выдвигается гипотеза исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, подтверждается достоверность результатов исследования и личный вклад автора, а также представлена апробация работы.

В **первой главе** реферируемой работы «Теоретические предпосылки исследования эмотивности» рассматриваются общие положения лингвистической теории эмоций, содержание понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности, языковые и неязыковые средства выражения эмотивности.

Лингвистика эмоций (эмотиология) – междисциплинарная отрасль науки, сформированная на стыке психологии и языкознания, изучающая взаимосвязь эмоций и языка. Лингвисты-эмотиологи наблюдают непрерывную эмоционализацию коммуникативного пространства во всех сферах жизни. Именно язык позволяет назвать, выразить или описать эмоции, поэтому язык является ключевой основой, необходимой для исследования эмоций человека. Корректное эмоциональное общение людей друг с другом является условием коммуникативной продуктивности, приемлемого результата коммуникации и прагматического эффекта. Человек, обладающий эмоциональной компетенцией, способен в большей степени распознавать вербалику или авербалику эмоций речевого партнера, адекватно выражать и описывать свои эмоции, вербально манипулировать своими и чужими эмоциями. На сегодняшний день лингвистами уже установлен комплекс неоспоримых положений: эмоции присущи языку и речи (равно как и сознанию, мышлению), эмоция и когниция взаимосвязаны, эмоции коммуникативны, эмоции межкультурны, эмоции семиотичны [Шаховский, 2019].

В рамках лингвистической теории эмоций ученые рассматривают такие значимые понятия, как «эмотивность», «эмоциональность», «экспрессивность», «оценочность». Однако отсутствуют четкие и единые определения перечисленных категорий, так как они включают в себя различные аспекты и свойства. Более того, ведутся постоянные споры о соотношении данных понятий. Опираясь в большей степени на теорию В.И. Шаховского, мы предполагаем, что эмоциональность, присущая первостепенно сфере физиологии и психологии, отражается в лингвистике через эмотивность, как результат интерпретации эмоционального состояния человека с помощью языковых единиц; экспрессивность, в отличие от эмотивности, считается фактически рассчитанной интенсификацией чувственной и эмоциональной составляющей, включенной в определенную сему; эмотивность и оценочность разграничиваются видами деятельности человека, а именно оценочной и эмоциональной. Чистая оценка, без какого либо эмоционального элемента, строится на когнитивных функциях сознания, а значит, обладает логической базой. Важно отметить невозможность существования и функционирования одной категории без другой.

В нашем исследовании эмотивность понимается как средство выражения эмоциональности с помощью языковых и неязыковых единиц на вербальном и невербальном уровнях. В процессе исследования политического дискурса выявлено, что эмотивность является одним из способов воздействия на коммуникантов, выражением эмоций, чувств, оценок адресанта. Таким образом, эмотивность является неотъемлемым свойством современного политического дискурса. Способы и степень ее репрезентации обусловлены лингвокультурной спецификой в английском и русском языках.

Язык является сложно структурированной системой знаков и, следовательно, предоставляет человеку множество разнообразных средств вербализации эмоций на всех языковых уровнях. Были рассмотрены различные классификации средств выражения эмоций на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях.

На *морфологическом* уровне установлено, что экспрессивные или эмоционально-окрашенные аффиксы (уменьшительные, уничижительные, пейоративно-оценочные) как в русском, так и в английском языках являются главными средствами репрезентации эмоций. К основным средствам выражения эмоций на *синтаксическом* уровне относят инверсию, повторы, парентезу, парцелляцию, риторический вопрос, эллипсис и др. *Лексические* средства позволяют назвать, описать и выразить эмоции. В значительной

степени учеными рассматриваются эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы как значимые средства репрезентации эмоций в языке и речи. Если сравнить вышеуказанные языковые уровни, то можно предположить, что лексические и синтаксические средства являются более продуктивными в выражении эмоций, поскольку морфологические средства зачастую лишь только дополняют и усиливают эмотивность других языковых уровней.

Различные эмоциональные состояния могут быть отражены и неязыковыми средствами. Такие средства необходимы для полного понимания высказывания, поскольку раскрывается именно эмоциональный аспект речи. Общепринятыми характеристиками невербальных средств являются движение, пространство, время, которые, в свою очередь, отражаются в следующих системах: 1) оптико-кинетической (жесты, мимика); 2) пара- и экстралингвистической (интонация, паузы); 3) система организации пространства и контакт глазами [Лабунская, 2006]. Данные невербальные средства являются необходимыми компонентами любого процесса общения. Безусловно, вербальные и невербальные элементы коммуникации зависят друг от друга, между ними находится конгруэнтная взаимосвязь. В таком случае эмоциональный аспект речи вместе с невербальными компонентами совпадает с логическим значением, что усиливает и добавляет однозначность речевому акту. Если же речь идет о рассогласованности эмоционального контекста и логического значения коммуникации, то такая взаимосвязь является неконгруэнтной [Барышникова, 2004].

Во **второй главе** «Вербальные и невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе» описывается взаимосвязь языка, эмоций и политики, определяются понятие, структура, формы и функции политического дискурса, рассматриваются вербальные и невербальные средства репрезентации эмоций в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Язык создает политику и любая политическая деятельность невозможна без речевого воздействия для осуществления конкретной политической цели. Политики используют язык, чтобы показать свой опыт и авторитет, стать ближе к гражданам или продемонстрировать их личные и эмоциональные сходства. Под политическим языком, вслед за Д.В. Шапочкиным, мы понимаем систему знаков конкретного национального языка, предназначенную для политической коммуникации, зачастую направленную на продвижение и распространение идей, принятие и обоснование социально-политических решений, формирование

общенациональных интересов, а также эмотивное воздействие на адресата с целью побуждения к политическим действиям [Шапочкин, 2005].

В рамках исследования политического дискурса уделяется большое внимание эмотивности политического языка, поскольку сознательная и контролируемая демонстрация эмоций направлена на аудиторию для воздействия или эмоционального отклика со стороны граждан. Рациональное воздействие также немаловажно для политиков, так как аудитории необходимо предоставить информацию и факты логично изложенные, обоснованные и точные. В некоторых случаях рациональное и эмоциональное воздействие применяется в совокупности для установки максимального контакта с общественностью.

Политика по своему основному принципу представляет коммуникативный процесс, тем самым обретая черты и признаки дискурса, которые в свою очередь формируют политический дискурс. Рассмотрев определения политического дискурса в науке, мы пришли к выводу, что в рамках нашего исследования целесообразнее придерживаться узкого понимания политического дискурса. В диссертации под политическим дискурсом понимается реализация речи политика, воплощение в речи средств и особенностей национального языка, которые используются в рамках политической деятельности.

В процессе исследования были проанализированы публичные выступления политических лидеров на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, которые относятся к институциональному типу политического дискурса и представляют собой статусно-индексальное общение на уровне «политик – мировое сообщество». Основными функциями выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН являются информативная, побудительная и эмотивная. Доказано, что политические деятели стремятся не просто описать ту или иную ситуацию, а убедить, вызвать в адресате определенные эмоции и намерения, дать почву для размышления и побудить к действию. По этой причине политические выступления все чаще включают в себя яркую стилистическую окраску и обращение к эмоциям.

В плане выражения эмотивность представлена в политическом дискурсе преимущественно *вербальными* актуализаторами эмоций. Проведенный анализ выступлений показал, что *англоговорящие* политические деятели выражают эмоции с помощью средств синтаксического уровня (*средства прибавления, средства убавления и средства размещения*), в то время как *русскоговорящие* – с помощью единиц лексического уровня (*эмотивы-аффективы, эмотивы-коннотативы, эмотивы-потенциативы*).

Рассмотрим ряд примеров средств прибавления из выступлений англоговорящих политических деятелей:

1. *Синтаксический повтор* с анафорическими конструкциями и параллелизмом (отрывок из выступления Д. Трампа на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«*We will distribute a vaccine, we will defeat the virus, we will end the pandemic, and we will enter a new era of unprecedented prosperity, cooperation and peace*» (URL: <https://media.un.org/en/asset/k13/k13104y3cu>). – «Мы распространим вакцину, мы победим вирус, мы положим конец пандемии и вступим в новую эру беспрецедентного процветания, сотрудничества и мира» (здесь и далее перевод наш);

2. *Лексический повтор* (отрывок из выступления Дж. Трюдо на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«*Time and time again, history has shown us that the price to pay for turning away, for failing to act, is much too high*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>). – «История снова и снова показывает нам, что цена игнорирования и бездействия слишком высока»;

3. *Морфемный повтор* (отрывок из выступления Ш. Мишеля на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«*Europe, stronger and more resolute, will be at your side to make the world a better and fairer place to live*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2562/2562800/>). – «Европа, более сильная и решительная, будет на вашей стороне, чтобы сделать мир лучше и справедливее для жизни».

Очевидно, средства прибавления обладают логическим потенциалом, задача которого установить связь между повторяющимися единицами. Однако они служат выражению эмоций, поскольку помогают политику передать их интенсивность, чувство уверенности, произвести эмоциональный эффект.

Рассмотрим ряд примеров средств убавления из выступлений англоговорящих политических деятелей:

1. *Асиндетон* (отрывок из выступления М.-А. Бланшара на 74 сессии Генассамблеи ООН):

«*And as it worsens, it will leave millions of people displaced, hungry, vulnerable to disease and weather-induced disaster*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2460/2460740/>). – «И по мере того, как ситуация будет ухудшаться, миллионы людей останутся вынужденными переселенцами, голодными, уязвимыми перед болезнями и стихийными бедствиями, вызванными погодой»;

2. *Эллиптические конструкции* (отрывок из выступления Д. Трампа на 73 сессии Генассамблеи ООН):

«We cannot allow a regime that chants “Death to America,” and that threatens Israel with annihilation, to possess the means to deliver a nuclear warhead to any city on Earth. *Just can't do it*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2243/2243805/>). – «Мы не можем позволить режиму, который скандирует «Смерть Америке!» и угрожает уничтожить Израиль, завладеть средствами доставки ядерной боевой части ни в один город на земле. Просто не можем».

При помощи средств убавления выражение эмоций становится насыщенным и приобретает особый ритм, оттенок. Средства убавления способствуют динамичному перечислению, захватывают внимание слушателей, заставляют их задуматься о правдивости сказанного и согласиться с политиком.

Рассмотрим ряд примеров средств размещения из выступлений англоговорящих политических деятелей:

1. *Инверсия* (отрывок из выступления К. Хоука на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«We invest in this system not only because *is it the right thing* to do, but because it helps build a safer, more prosperous, and sustainable future» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2564/2564905/>). – «Мы инвестируем в эту систему не только потому, что это правильно, но и потому, что она помогает построить более безопасное, процветающее и стабильное будущее»;

2. *Парцелляция* (отрывок из выступления Дж. Трюдо на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«We need a new way of thinking. On climate, on inequality, on health. Because the way we're doing things just isn't working well enough» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>). – «Мы нуждаемся в новом типе мышления. Идет ли речь о климате, неравенстве или здравоохранении. Ибо наш подход к решению этих задач просто не работает как надо»;

3. *Парентеза* (отрывок из выступления Б. Джонсона на 75 сессии Генассамблеи ООН):

«It is time for us to listen to the warnings of the scientists – *and look at Covid, if you want an example of gloomy scientists being proved right* – and to understand who we are and what we are doing» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>). – «Нам пора прислушаться к предупреждениям ученых – посмотрите на Covid-19, если

вам нужен пример того, как сбылись прогнозы мрачных ученых – и понять, кто мы и что мы делаем».

С помощью средств размещения политические деятели варьируют окрашенность высказывания, подчеркивают важные смысловые фрагменты и выражают свои эмоции, а также обеспечивают адекватность эмоциональной реакции слушателя.

В 90% проанализированных нами выступлений англоговорящих политиков используются приемы синтаксического повтора, парцелляции, инверсии и асиндетона. В 50% выступлений – лексический повтор, парентеза, в 25% – морфемный повтор, эллиптические конструкции.

Диаграмма 1

Рассмотрим ряд примеров из выступлений русскоговорящих политических деятелей:

1. Отрывок из выступления В.В. Путина на 75 сессии Генассамблеи ООН (2020 г.): «Это не просто *низость и преступление* перед памятью борцов с нацизмом. Это прямой, *разрушительный удар* по самим основам послевоенного мироустройства, что *особенно опасно* в условиях, когда *глобальная стабильность подвергается серьезным испытаниям*, когда *деградирует система контроля* над вооружениями, *не стихают региональные конфликты*, *обостряются угрозы*, исходящие от *терроризма, оргпреступности и наркотрафика*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>).

Эмотивы-аффективы: «низость и преступление», «разрушительный удар», «особенно опасно»; *эмотивы-коннотативы*: «стабильность подвергается серьезным испытаниям», «деградирует система контроля», «не

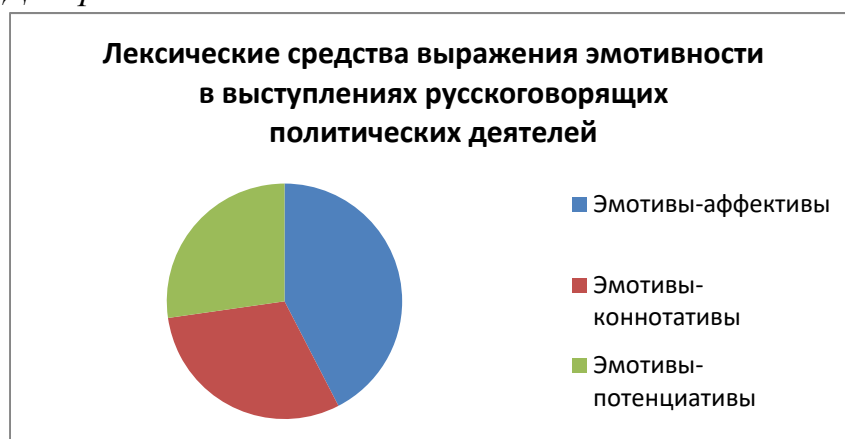
стихают конфликты», «обостряются угрозы»; *эмотивы-потенциативы*: «терроризм», «оргпреступность», «наркотрафик».

2. Отрывок из выступления С.В. Лаврова на 77 сессии Генассамблеи ООН (2022 г.): «Мы что, должны были *мириться с курсом Киева на тотальный запрет* русского языка, образования, российских СМИ и культуры с требованиями *изгнать русских* из Крыма, *объявлением войны* против Донбасса, жителей которого и тогдашние, и нынешние киевские власти *провозгласили не людьми, а “существами”* устами своего высшего руководства?» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>).

Эмотивы-аффективы: «изгнать русских», «объявлением войны», «провозгласили не людьми, а “существами”»; *эмотивы-коннотативы*: «тотальный запрет»; *эмотивы-потенциативы*: «мириться с курсом Киева».

По итогам количественного анализа в русскоязычном политическом дискурсе *эмотивы-аффективы* составляют 42,4%, *эмотивы-коннотативы* – 30,3%, *эмотивы-потенциативы* – 27,3%.

Диаграмма 2

Англоговорящие политические деятели, выступая на Генассемблее ООН, делают выбор в пользу вербальных средств выражения эмотивности синтаксического уровня. В дискурсе современных англоговорящих политиков наблюдается явная тенденция к использованию эмотивных конструкций с особым расположением слов в предложении, которые позволяют деформировать нейтральность высказывания, создать общий эмоциональный фон политического выступления, передать эмоции политика, необходимые для усиления высказывания, рассчитанного на реакцию адресата. В то время как русскоговорящие политические деятели, выступая на Генассамблее ООН, главным образом обращаются к вербальным средствам выражения эмотивности лексического уровня. Эмотивы позволяют

более детально передать интенсивность эмоций, поскольку конкретное эмотивное слово соотносится с конкретной эмоцией политика.

Различные эмоциональные проявления политических деятелей могут быть выражены и невербальными средствами, которые играют вспомогательную роль, подчеркивая, дополняя или изменяя значение языковых эмотивов, иначе говоря, обеспечивая правильную их интерпретацию [Калимуллина, 2013].

Анализ отрывков из выступлений трех политических лидеров (Новая Зеландия, США, Россия) на 77 сессии Генеральной Ассамблеи ООН показал наличие эмотивных невербальных знаков (жестикуляция, мимические реакции, интонационные изменения).

Так, например, в своем выступлении Дж. Ардерн активно использует невербальные знаки с намерением выразить эмоции и заинтересованность, а также придать значимость сказанным словам и воздействовать на аудиторию. Важно отметить, что невербальные знаки со стороны премьер-министра применяются не по отдельности, т.е. акцент делается не только на жестикуляции или улыбке, а все невербальные знаки задействуются одновременно, т.е. жесты, мимика, взгляд, интонация в совокупности отражают эмоции политика. Рассмотрим пример:

«*COVID schooled us. It forced us to acknowledge how interconnected, and therefore how reliant we are on one another*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2938/2938180/>). – «Ковид преподнес нам урок. Он заставил нас признать, насколько мы взаимосвязаны и, следовательно, насколько зависимы друг от друга».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *ироническая улыбка, жесты, сосредоточенная мимика, восходящая интонация, логическое ударение*. Премьер-министр, говоря об уроках, которые преподнес миру коронавирус, иронически улыбается, что помогает выразить возмущение, подчеркнуть недопустимость подобного, при этом приподнимает указательный палец вверх (*COVID schooled us*), т.е. посыл приобретает нравоучительный характер. Подчеркивая взаимозависимость государств друг от друга (*how interconnected, how reliant we are on one another*), оратор проявляет свою заинтересованность, что заметно по мимическим изменениям, а также акцентирует сказанное логическим ударением и открытыми жестами.

Выступление Д. Байдена отличается уверенным и однозначным настроем, намерением прямо выражать свои эмоции и взгляды, а также стремлением призвать ООН лучше реагировать на потребности современного мира. Д. Байден говорит таким образом, что содержание его сообщений

предельно понятно. Более того, невербальные знаки, репрезентирующие эмоции президента, сопровождают его речь и свидетельствуют о заинтересованности. Рассмотрим пример:

«Members of the U.N. Security Council, including the United States, should consistently uphold and defend the U.N. Charter and *refrain – refrain* from the use of the veto, except in rare, extraordinary situations, to ensure that the Council remains credible and effective» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>). – «Члены Совета безопасности ООН, в том числе Соединенные Штаты, должны планомерно поддерживать и защищать Устав ООН, а также воздержаться от применения вето, за исключением редких, необычных ситуаций, чтобы сохранить авторитетность и эффективность работы Совета».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *логическое ударение, жестикуляция, зрительный контакт с аудиторией*. В данном отрывке президент призвал принять меры по повышению авторитета и эффективности Совета Безопасности. Используется прием повтора (*refrain – refrain*), который сопровождается логическим ударением и жестикуляцией, а именно президент приподнимает руки и указательными пальцами акцентирует внимание на сказанных слова. Такой жест заключает в себе поучительный и наставительный смысл. На протяжении всего отрывка президент сохраняет зрительный контакт с аудиторией для того, чтобы выглядеть убедительным.

Выступление С.В. Лаврова содержит меньше эмотивных невербальных знаков по сравнению с выступлениями Дж. Ардерн и Д. Байдена. Невербальные знаки способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли министра и помогают привлечь внимание аудитории. Во время своего выступления С.В. Лавров не жестикулирует, редко наблюдаются изменения в мимике, зрительный контакт периодический. Тем не менее, общий посыл выступления имеет эмоциональный характер, так как затрагиваются насущные проблемы современного мира. Рассмотрим пример:

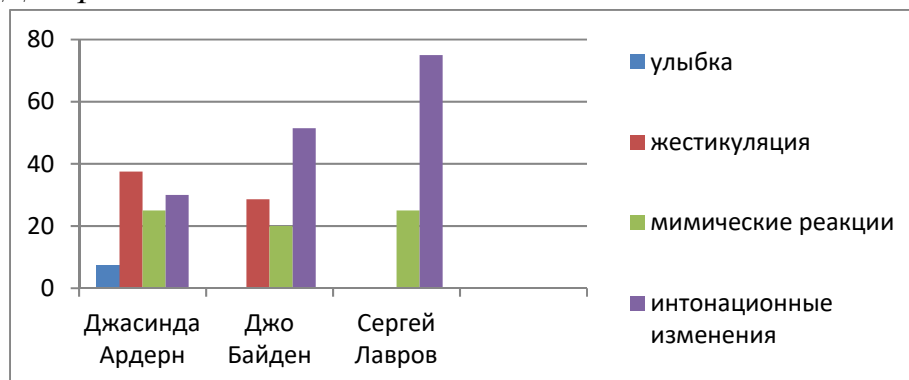
«Готовы к такой честной работе и убеждены: устойчивость миропорядка может быть обеспечена исключительно через возвращение к истокам ооновской дипломатии с опорой на ключевой уставной принцип подлинной демократии – *уважение суверенного равенства государств*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>).

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *интонация, которая способствует членению потока речи на отдельные отрезки, мимика выражает уверенность*. В данном отрывке

выступления министр говорит убежденно, каждое его слово звучит твердо и уверенно (*уважение суверенного равенства государств*), создается зрительный контакт с аудиторией, в мимике отражаются эмоции надежды, веры, а также у оратора наблюдается выраженное желание быть услышанным.

Все политические лидеры выражают эмоции с помощью интонационных изменений (Дж. Ардерн – 30%, Д. Байден – 51,43%, С.В. Лавров – 75%). Кроме того, эмотивные знаки, которые передаются с помощью мимических реакций, также присутствуют у всех политических лидеров (Дж. Ардерн – 25%, Д. Байден – 20%, С.В. Лавров – 25%). Следует заметить, что жестикуляция как знак эмоций присутствует лишь у двух ораторов (Дж. Ардерн – 37,5% Д. Байден – 28,57%). И, наконец, улыбка как знак эмоций наблюдается только у Дж. Ардерн (7,5%).

Диаграмма 3

В третьей главе «Эмотивность в идиостиле политика» рассматриваются средства образной реализации эмотивности, идеологемы и идиостилевые особенности политиков в аспекте эмоционального воздействия.

Функциональная характеристика эмотивности в политических выступлениях заключается в установке «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать». По этой причине современные политики для выражения эмоций и оказания влияния на аудиторию прибегают к помощи тропов. Тропеический механизм – это техника переносов, которая основана на образности, выразительности и полисемии [Желтухина, 2004]. В рамках нашего исследования основными разновидностями тропов в выступлениях на Генассамблеях являются *метафора, сравнение, гипербола и эпитеты*.

Метафоры были определены в выступлениях С.В. Лаврова на 73, 74, 76 и 77 сессиях Генассамблеи ООН, сравнения и гиперболы – в выступлении

Б. Джонсона на 74 сессии Генассамблеи ООН, эпитеты – в выступлении Д. Трампа на 74 сессии Генассамблеи ООН. Были выявлены типы эмоций, которые политики выражают при помощи данных приемов выразительности и тем самым воздействуют на слушателей.

Приведем примеры метафоры из выступлений С.В. Лаврова:

1. Эмоции – презрение, негодование: «Диктат и принуждение, характерные для колониальной эпохи, следует раз и навсегда *отправить в архив*, а лучше *на свалку истории*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2249/2249262/>).

2. Эмоции – заинтересованность, равнодушие: «Все мы – *в одной лодке*. В наших общих интересах – чтобы она крепко держалась *на волнах мировой политики*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>).

3. Эмоции – надежда, оптимизм: «Она – своего рода *страховочная сетка*, гарантирующая, если уважать Устав, мирное развитие человечества через нахождение *баланса* порой весьма противоречивых *интересов* различных стран» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2458/2458930/>).

В своих выступлениях С.В. Лавров призывает мировое сообщество адаптироваться к сегодняшним реалиям и ставить в приоритет коллективные действия по поискам решений проблем человечества, основой которых остаются нормы международного права. Очевидно, затрагивая подобные темы, министру сложно скрыть эмоции и переживания. Исходя из этого, *метафора* является наиболее подходящим тропом, выражающим эмотивный характер выступления и его воздействующий потенциал.

Приведем пример гиперболы из выступления Б. Джонсона:

Эмоции – страх, беспокойство, опасение: «Stored not in their chips or their innards – nowhere you can find it, but in some *great cloud* of data that lours ever *more oppressively* over the human race. A *giant* dark thundercloud waiting to burst» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>). –

«Храниться эти данные будут не в их чипах и внутренностях, где вы сможете их найти, а в *огромном облаке* данных, которое будет все *более тягостно* нависать над человеческой расой. *Гигантская* темная грозовая туча, готовая взорваться».

Приведем пример сравнения из выступления Б. Джонсона:

Эмоции – замешательство, взволнованность: «AI - what will it mean? *Helpful robots* washing and caring for an ageing population? Or *pink eyed terminators* sent back from the future to cull the human race?» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>). – «Искусственный

интеллект – что это? Это *услужливые роботы*, моющие посуду и ухаживающие за стареющим населением? Или это *красноглазые терминаторы*, посланные из будущего, чтобы уничтожить человеческую расу?»

Анализ показал, что сравнение и гипербола позволяют Б. Джонсону выразить свои эмоции и отношение к обозначаемым явлениям, оживляют его выступление и усиливают прагматический эффект высказывания.

Приведем примеры эпитетов из выступления Д. Трампа:

1. Эмоции – воодушевление, энтузиазм: «Looking around and all over this *large, magnificent* planet, the truth is plain to see: If you want freedom, take pride in your country» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/>). – «Оглянитесь вокруг, на этой *большой великоленной* планете истина очевидна – если вы хотите свободы, гордитесь своей страной».

2. Эмоции – надежда, заинтересованность: «As the United Kingdom makes preparations to exit the European Union, I have made clear that we stand ready to complete an *exceptional* new trade agreement with the UK that will bring *tremendous* benefits to both of our countries. We are working closely with Prime Minister Boris Johnson on a *magnificent* new trade deal» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/>). – «В то время как Великобритания готовится к выходу из Европейского союза, я уверенно заявляю, что мы готовы заключить *замечательное* новое торговое соглашение с Великобританией, которое принесет *огромную* выгоду обеим странам. Мы тесно сотрудничаем с премьер-министром Б. Джонсоном в работе над *великоленной* новой торговой сделкой».

С помощью эпитетов в своих политических выступлениях Д. Трамп выражает весь спектр эмоций, наиболее ярко описывает события и убеждает слушателей довериться его заявлениям.

В процессе исследования политического дискурса нами отмечена важность идеологем в репрезентации эмотивности и ее воздействующего потенциала. Под идеологемой понимается общепонятная идея, идеологически окрашенная, ориентированная на будущее, выражающая эмоции говорящего, а также направленная на эмоциональное воздействие слушающего. В ходе анализа было выявлено, что в выступлениях Генерального секретаря ООН А. Гутерриша и министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 76 сессии Генеральной Ассамблеи идеологемы играют ключевую роль. Идеологемы обладают важными функциями: они способствуют структурированию и объяснению окружающей политической реальности, выработке мировоззрения, воздействию на аудиторию, а также установлению взаимосвязи с эмоциями оратора.

В большинстве случаев рассмотренные идеологемы имеют положительные коннотации и ориентированы на будущее. Это объясняется тем, что Генеральная Ассамблея является моральным авторитетом для мирового сообщества. Данный орган отображает мировое общественное мнение в части решений главных международных проблем, стремится обеспечить общую установку, нацеленную на создание более гармоничного мира.

В политических выступлениях А. Гутерриша и С.В. Лаврова отмечается высокая степень эмотивности, воздействие на аудиторию осуществляется с помощью:

1) идеологем-лозунгов, т.е. обращений, выражающих идею о приемлемости тех или иных действий по отношению к окружающей общественно-политической реальности; они оказывают особое эмоциональное воздействие, способствующее формированию благоприятной основы для поддержания новых установок;

2) всеобщих идеологем, т.е. обращений, выражающих идею, которая воспринимается одинаково представителями разных политических движений, актуальную в процессе развития общества;

3) идеологем-интернационализмов, т.е. обращений, выражающих идею, актуальную для человечества в целом, известную во всех странах и входящую в международный лексический фонд.

Рассмотрим примеры:

1. *Идеологемы-лозунги:*

А. Гутерриш: «We face a moment of truth. Now is the time to deliver. Now is the time to restore trust. Now is the time to inspire hope» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655620/>). – «Мы встречаем момент истины. Настало время действовать. Настало время восстановить доверие. Настало время вселить надежду».

2. *Всеобщие идеологемы:*

А. Гутерриш: «Peace. Human rights. Dignity for all. Equality. Justice. Solidarity. Like never before, core values are in the crosshairs» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655620/>). – «Мир. Права человека. Достоинство для всех. Равенство. Справедливость. Солидарность. Как никогда прежде, основные ценности находятся под ударом».

С.В. Лавров: «Мы разные, но это не должно мешать нам работать на благо наших народов и всего человечества» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>).

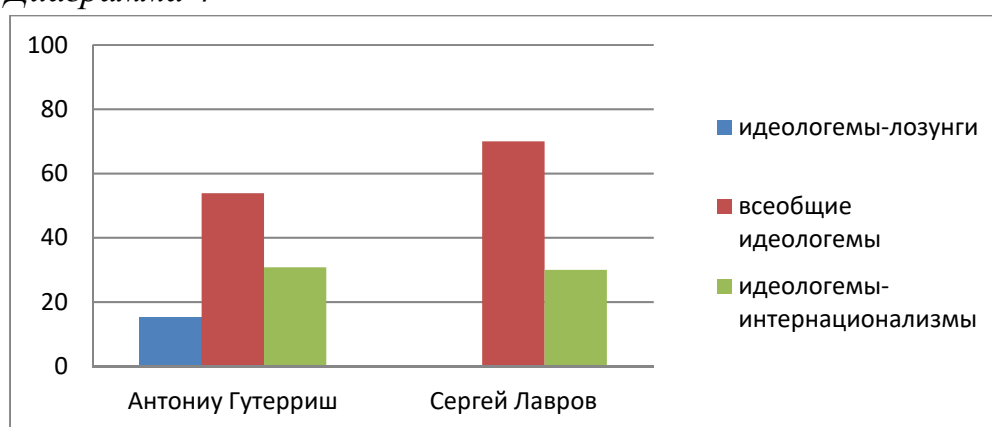
3. *Идеологемы-интернационализмы:*

А. Гутерриш: “We must bridge the *climate* divide.” (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655620/>). – «Мы должны преодолеть климатический кризис».

С.В. Лавров: «Всемирная организация должна играть в глобальной политике центральную координирующую роль, в полной мере раскрывая свой уникальный потенциал универсальной многосторонности и *легитимности*» (URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>).

Результаты количественного анализа следующие: в выступлении А. Гутерриша было выявлено всего 13 идеологем, в выступлении С.В. Лаврова – 10 идеологем. Идеологемы-лозунги были выявлены только в выступлении А. Гутерриша (2 случая употребления, 15,38 %). Всеобщие идеологемы были выявлены в выступлении А. Гутерриша (7 случаев употребления, 53,85 %), а также в выступлении С.В. Лаврова (7 случаев употребления, 70%). Идеологемы-интернационализмы были выявлены в выступлении А. Гутерриша (4 случая употребления, 30,77 %), а также в выступлении С.В. Лаврова (3 случая употребления, 30%).

Диаграмма 4

Идиостилевые особенности политика состоят из индивидуального авторского стиля политика в выражении своей позиции и из использования ключевых концептов, необходимых для эмоционального воздействия. Изучая специфику идиостиля, лингвисты обращаются к характерным чертам речи конкретных политиков, обращая особое внимание не только на стилистические, лексико-семантические, риторические и другие приемы, но и на мировоззренческие установки, транслирующие систему ценностей. Проведенный анализ выступлений политических лидеров США, Канады и России на 75 сессии Генеральной Ассамблеи ООН показал, что ораторы освещают и продвигают разнообразные ценности. Они озвучивают тезисы,

отражающие конкретные ценности, и коррелируют их с выражением собственных эмоций, что позволяет получить эмоциональный отклик, поддержку, доверие со стороны аудитории и, как следствие, служит реализации более успешного воздействия.

В речи президента США Д. Трампа акцентируется внимание на следующих ключевых ценностных смыслах: *свобода, права человека, патриотизм, единство американского народа*. При этом политик выражает лишь положительные эмоции, чтобы эффективнее убедить слушателей в мировом лидерстве США. Если же речь заходит о других государствах, внутреннюю или внешнюю политику которых США не поддерживают, то эмоции приобретают отрицательный характер. Д. Трамп может целенаправленно обвинить другие государства в мировых кризисах, акцентировать внимание на их проблемах и выразить эмоциональное отношение к происходящему и оценку, пытаясь призвать аудиторию поддержать его.

В речи премьер-министра Канады Дж. Трюдо подчеркиваются следующие ключевые ценностные смыслы: *равноправие, свобода, безопасность, мир, мультикультурализм*. Премьер-министр придает большое значение ценностям и традициям, характеризующим современную политику Канады, призывает придерживаться их. Выступление Дж. Трюдо отличается открытостью, он искренне выражает свои эмоции, обеспокоенность, надежду на благополучное будущее, тем самым привлекает внимание слушателей и завоевывает их доверие.

Президент России В.В. Путин подчеркивает в своей речи следующие ключевые ценностные смыслы: *развитие, сотрудничество, безопасность, сила духа, решительность*. Во время выступления президент проявляет спокойствие и самообладание. Однако при обсуждении ключевых тезисов мы наблюдаем со стороны В.В. Путина искренность, беспокойство и стремление оперативно решить проблемы. Демонстрируя перечисленные эмоции, президент успешно заинтересовывает слушателей и получает их поддержку.

В **заключении** диссертации делаются выводы, подводятся итоги и обобщаются результаты исследования. Данное исследование открывает широкие перспективы разработки заявленной проблематики. Представляется перспективным дальнейшее изучение категории эмотивности в различных жанрах политического дискурса. Значимым видится изучение эмоций в конкретных политических ситуациях, их влияние на политическое поведение и политические процессы. Предложенный в ходе исследования анализ способов репрезентации эмотивности может быть использован для

разработки теории, систематизирующей особенности и функции эмоций в политическом дискурсе.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Гейвандян Л.Э. (Уафа Л.Э.) Эмоциональная аргументация в политическом дискурсе: на материале выступления Греты Тунберг в ООН // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 10. – С. 232-236.

2. Лучинская Е.Н., Уафа Л.Э. Семиотико-функциональные характеристики эмотивной лексики в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (83). – С. 44-48.

3. Уафа Л.Э. Лингвокультурологические особенности эмотивности в политическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 6 (34). – С. 1-4.

Другие научные публикации

4. Гейвандян Л.Э. (Уафа Л.Э.) Жанровые особенности политического дискурса // Человек в информационном пространстве: сб. науч. ст. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. – С. 76-79.

5. Гейвандян Л.Э. (Уафа Л.Э.) Лингвистика эмоций – новая отрасль языкознания // Язык и перевод в меняющемся мире: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 56-60.

6. Лучинская Е.Н., Гейвандян Л.Э. (Уафа Л.Э.) Синтаксические особенности эмотивности в политическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 100-103.

7. Уафа Л.Э. Морфологические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник материалов VII Междунар. науч. конф. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. – С. 137-141.

8. Уафа Л.Э. Невербальные средства репрезентации эмоций в политическом дискурсе // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 128-133.

9. Уафа Л.Э. Дифференциация понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности и оценочности // Филология в системе современного гуманитарного знания: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 223-228.

10. Уафа Л.Э. Эмоции в политическом языке // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2022. – С. 221-222.

11. Лучинская Е.Н., Уафа Л.Э. Когнитивно-прагматический характер эмотивов в политическом дискурсе // Язык: история и современность. – 2022. – № 2 (13). – С. 56-64.

12. Уафа Л.Э. Эмотивный аспект идеологем в политическом дискурсе // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: материалы Юбилейной X Междунар. науч.-практ. конф. – Брянск: БГИТУ, 2022. – С. 103-106.

Автореферат

У а ф а Лолита Эдуардовна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ**

Печать цифровая. Формат 60x84¹/₁₆. Уч.-изд. л. 1,75.
Тираж 100 экз. Заказ № 5314.1

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

